

«А преданно, снова и снова морскими узлами вязать свое беззаветное слово...»

Умер писатель Виктор Конецкий

Давным-давно он написал рассказ «Если позовет товарищ». Про двух друзей, однокашников по военно-морскому училищу, которых служба и судьба развели безвозвратно. Но однажды, через много лет, один из них получил телеграмму: «Дима зпт прилетай немедленно зпт если можешь тчк я в дрейфе...» И собственная житейская нескладуха вдруг отступила на второй план перед неведомой белой друга по прозвищу Маня, которого наверняка надо спасать.

Дима Шаталов занимает денег, летит, едет, трясется на перекладных через всю страну, добираясь до крохотного гарнизона.

И там с раздражением и злостью узнает: не было никакой экстренной причины вызывать его из Питера на Дальний Восток. На повышенных тонах Дима требует объяснений...

«— Есть причина, — наконец сказал Маня. — Я знал, что ты можешь рассердиться, если причины не будет. И мне не весело сознавать это. И я не тревожил тебя, пока она не появилась... Человек, который трое суток пролежал на грунте после аварии подводной лодки на глубине восьмидесяти метров, имеет право вызвать к себе друга? Да, нас вытащили, и я жив и здоров... Но годы идут, Дмитрий, и море есть море. Ты знаешь, про что я говорю. И мы с тобой как-то все дальше и дальше друг от друга. И это плохо, старик. И тогда, на грунте, у меня было время подумать об этом.

— Трое суток — большой срок, — тихо сказал Шаталов.

Он знал, что такое восьмидесять метров зимнего, стывшего океана над тобой, что такое трое суток могиленной тишины в отсеках, и распластанные на койках тела матросов, и нечеловеческое напряжение командира корабля.

— Да, большой, — спокойно сказал Маня. — Мы испытывали новую лодку. Новое никогда просто не дается. Сперва мы сами не хотели ее покинуть, думали, что удастся отремонтировать и всплыть, а потом... Потом поздно стало... Ослабли здорово. И когда все концы уже были отданы, я написал тебе записочку.

Командир «сто восемнадцатой» умолк, все так же шагая по каюте тяжелыми, осторожными шагами.

— Порвал? — спросил Шаталов.

— Что порвал?

— Записку мне?

— Нет. Не порвал. Пускай лежит. Иногда, по правде говоря, полезно вспомнить о смерти... А у тебя синяки под глазами, и селедкой от тебя пахнет. Это от шинели, что ли?

— Дай прочесть, — хрипло сказал Шаталов.

— Ну что ж... Можешь прочесть. Он открыл каютный сейф, вытащил старую полевую сумку. Шаталов узнал ее. Это была солдатская сумка, с которой Маня пришел когда-то в их училище.

— Почитай, хотя в этом есть что-то нехорошее: ведь я жив. А я к вестовым схожу, прикажу чай согреть.

Маня достал записку, передал ее Шаталову и ушел.

Старательным круглым почерком на плотной бумаге морской карты было написано несколько строк простым карандашом. Карандаш дольше всего спорит с водой — это Шаталов тоже понимал.

«Передать Шаталову Д. М., Ленинград. Адмиралтейский канал, 9, кв. 19.

Дмитрий, тебе перешили это, если нас не вытащат. Я знаю, тебе будет тяжело. Мне уже трудно писать. Ты последние годы стал прятаться и уходить. А я не настаивал. Все служба, служба... И я очень виноват. Сейчас над морем где-то день. И я все тебя вспоминаю... Ты на карниз вылезал, чтобы в баню не ходить... Помнишь, нас в баню почему-то только ночью водили, а ты на карниз вылезал, ждал, когда старшина из кубрика уйдет... А я волновался, что ты простудишься... Сейчас над морем день...»

Шаталов ударил кулаком по выключателю лампы на столе. Ему стало резать глаза, он больше не мог читать. У него остро заныло сердце и перехватило глотку. Будто это он сидел в центральной постели затонувшей лодки, сидел на полу, и холодный пот удилья заливал ему глаза, и до дневного света было восемьдесят метров стывлой воды, и он писал все эти слова...

Все позвякивал ключ — в такт дизель-динамо. В приоткрытый иллюминатор дышало море. Все вспыхивал на далеком мысу маяк, плескала за бортом близкая вода. И через минуту сердце отпустило, спокойно, в полную грудь вздохнулось.

— Лешка, выслушай ты морда, — пробормотал Шаталов...

По этому рассказу был написан сценарий, но картину так и не сняли. Уже больно не киношный материал. Другое дело — искрящийся безоблачным юмором «Полосатый рейс» или, например, драматичный «Путь к причалу». А тут? Всего лишь друг едет к другу. Они всего лишь встре-

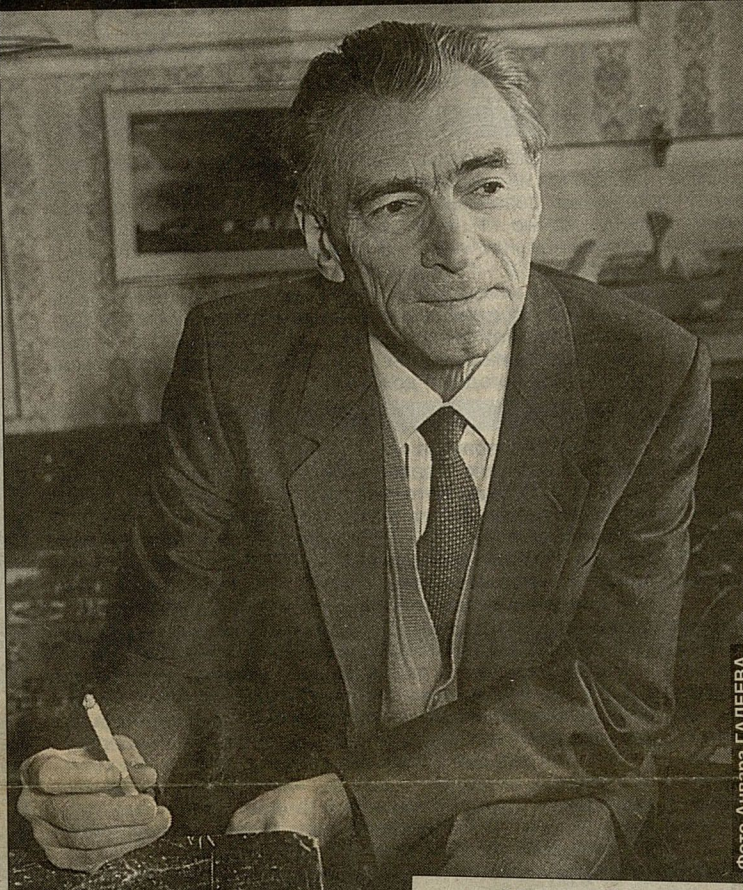

Фото Алевара ГАЛЕЕВА

НОРД-КАП

В. Конецкому

Уходят таланты и бездарь кругами волков и лисят. Пора оглянуться над бездной, когда тебе за шестьдесят. Когда от дыхания юга остался незнойный накат. И словно на проводах друга прощальным виденьем Норд-кап*. А дальше на север, а дальше, за гранью свободной воды, застывшие страсти без фальши, безмерные, вечные льды. Кто плывал у этих отметок, у жестких ледовых границ, тот знает, как зыбок и едок осадок последних страниц. И надобно без проволочек не ждать безучастно, когда тебя без любви проволочат остывших пристрастий года. И нужно, как в самом начале, без драм и пожаров тугих, на пиках прозренья, ночами себе добавять за других. Познавший забвенья науку, проживший в тени и в чести, постыдно всевластную руку сильнее, чем должно, трести. А преданно, снова и снова морскими узлами вязать свое беззаветное слово, которое должен сказать.

Григорий ПОЖЕНЯН.

* Норд-кап — самая северная точка Европы.

чаются. Всего лишь разговаривают, вспоминают. Простая история о простых истинах. Она и тогда не собралась бы полные кинозалы, а уж сегодня...

Но, наверное, простые истины все-таки не пустой звук, если через 40 лет капитан-лейтенант с «Курска» Дима Колесников, тоже Дима, зная, что погибает, выпарывал карандашом на клочке бумаги фамилии задохавшихся рядом моряков, чтобы потом было легче опознать мертвых и разгадать их тайну.

Если позовет товарищ... Он и сам был из тех, кто поклоняется простым истинам. Дружба. Долг. Честь.

«Юра, сегодня я не буду принужденно острить. Я прочитал «Трали-вали».

Это прекрасный рассказ. Это великолепный, пахучий, упругий, плотный, цветистый, свежий, умный, русский рассказ.

Я тебя крепко целую, Юра. Я очень рад и горд за всех нас, за то, что это наш рассказ. Наш, а не каких-нибудь американцев, или немцев, или французов. И он очень умный, и ты, как и всегда, сам не понимаешь, сколько в нем умных шуток.

Я его прочитал уже много раз и еще буду читать. И это мне будет помогать писать...»

Это из письма Конецкого его лучшему другу Юрию Казакову. Их откровенную, жесткую, нежную переписку я рекомендовал бы тем, кто мало или невнимательно читал Конецкого — только на уровне морской травли. Потому что среди писателей не бывает маринистов, или деревенщиков, или детективщиков — есть честные перед собой и есть все остальные.

Он сам ни разу не назвал себя писателем. Ни разу в жизни.

«Таю в себе мерзкое. А если когда-нибудь расскажу и про такое — тогда только и стану не литератором, а писателем».

Этому мужественному призна-

СЛОВО ДРУГА

Георгий ДАНЕЛИЯ, режиссер:

Как-то он мне сказал: «Не волнуйся, меня похоронят моряки»

Витя был моим другом. Это был очень принципиальный, очень смелый, очень легкоранимый и добрый человек. Мы с ним многое прошли, работали вместе над фильмами «Путь к причалу», «Тридцать три». Помню, однажды, чтобы я прочувствовал специфику жанра, он провел меня по Северному морскому пути.

Мы постоянно с ним общались. Когда я был в Питере, обязательно останавливался у него, когда он приезжал в Москву, тоже ехал ко мне. А в последнее время мы часто говорили по телефону. Он ведь очень нуждался, жил на пенсию. Но тем не менее помощи не принимал, говорил, что все нормально. То же самое, я знаю, говорил и Куроедову, главнокомандующему флотом, который тоже у него в последнее время часто бывал.

Как-то он мне сказал: «Когда я умру, не волнуйся, меня похоронят моряки». Так и случилось. Я знаю, что его похороны занимаются моряки. В первый момент я решил ехать в Ленинград, но меня Татьяна, его супруга, отговорила. Я ведь сейчас сам себя не очень хорошо чувствую, и она сказала, что Витя, узнав про такое, был бы против...

Записала

Ольга САПРЫКИНА.

СЛОВО ФЛОТА

«Он навечно

зачислен в строй»

Главнокомандующий Военно-морским флотом адмирал флота Владимир Куроедов, Военный Совет ВМФ от имени всех военных моряков и ветеранов флота выразили глубокое соболезнование родным и близким писателя.

В тексте соболезнования говорится:

«Военно-морской флот России понес тяжелую утрату. Ушел из жизни писатель-маринист, чье имя давно стало легендой. Всю свою жизнь он посвятил флоту и людям, которые связали свою жизнь с флотской службой. Произведения Виктора Конецкого наполнены духом традиции флота и точно раскрывают суть морских характеров. Его книги всегда были и будут на полках флотских и корабельных библиотек. На великом творческом наследии писателя воспитывалось не одно поколение моряков. Морские рассказы и повести Виктора Конецкого навсегда войдут в золотой фонд российской маринистики. Военные моряки навечно зачислили писателя в свой строй».

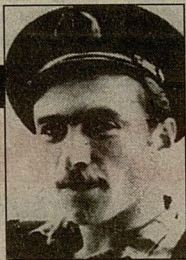
ЛИЧНОЕ ДЕЛО

КОНЕЦКИЙ Виктор Викторович. Родился 6 июня 1929 года. Окончил Первое Балтийское высшее военно-морское училище. Служил штурманом на аварийно-спасательных судах Северного флота. После увольнения с военной службы прошел в торговом флоте путь от 4-го помощника до капитана судна. Капитан дальнего плавания. 14 раз прошел Северным морским путем.

С 1956 года начал активно заниматься писательским трудом. Повести «Вчерашние заботы», «Соленный лед», «Среди мифов и рифов», «Морские сны» и другие переведены на многие языки мира.

Снятые по его и совместным сценариям фильмы «Путь к причалу», «Полосатый рейс», «Тридцать три» стали классикой отечественного кино.

Умер 30 марта 2002 года в С.-Петербурге. При поддержке ВМФ в прошлом году сдано в печать полное собрание сочинений писателя в семи томах. Пять из них Виктор Викторович успел поддержать в руках...

Конечский Виктор (моряк)